

загорнулъ и тѣмъ всѣхъ подорвалъ. По его дудкѣ всякъ пляшетъ, его волю исполняютъ, и со всѣмъ къ нему, какъ къ оракулу, относятся и отсылаются“, а въ другомъ письмѣ: „Зубовъ министръ военныхъ, гражданскихъ и политическихъ дѣлъ; прочіе носятъ только титулъ, а въ игрѣ не больше дѣйствуютъ, какъ пѣшки; о чемъ сколько ни велико было бы твое удивленіе, но вообще наше больше онаго. Ему императоръ уже предлагалъ княжеской титулъ; принять оной еще отложено, а когда польскія дѣла окончатся, непременно войдетъ въ свѣтлые“ и пр.

Отношеніе Завадовскаго ко двору становилось все менѣе и менѣе благопріятнымъ. Онъ писалъ 7-го іюля 1794 года: „Меня фаворитъ ненавидитъ, а потому и свыше дознаю полную холодность; но я ожесточился терпѣніемъ, пока выжду пристойный случай отъ всего непріятнаго отдѣлаться“. Особенно часто Завадовскій сравнивалъ Зубова съ Потемкинымъ. Такъ, напр., онъ писалъ въ началѣ 1795 года: „Противъ умершаго талантъ въ немъ неровенъ, но амбиціи во всѣхъ частяхъ наслѣдникъ“. Въ февралѣ: „Память о князѣ Потемкинѣ преходитъ такъ, какъ всѣ слѣды большихъ матадоровъ время заглаживаетъ“. Въ мартѣ: „Тщеславіе (Зубова) превосходитъ всякую мѣру. Въ нашемъ слою гордыни подобной никто не видалъ. Куды къ статѣ ты свой покой взялъ! Блаженъ, что не предъ твоими глазами игра новаго театра. Одному все принадлежитъ, прочіе генерально его мыслямъ прилаживаютъ“. Власть Зубова, наконецъ, дошла до того, что Завадовскій лѣтомъ 1796 года писалъ: „Я тебѣ сказываю: о князѣ Потемкинѣ теперь весьма, весьма жалѣютъ“. Около этого же времени Завадовскій сообщилъ новости: „У князя Любомірскаго покупаютъ имѣніе за четыре милліона. Ты можешь угадать для кого? Выше мѣры надъ всѣми господствуетъ“. Предположеніе Завадовскаго, что Екатерина хотѣла подарить молодому фавориту столь громадное имѣніе, оказалось лишенымъ основанія. Зато Завадовскій, вѣроятно, не безъ причины приписывалъ Зубову строгость, съ которою онъ былъ лишенъ мѣста директора банка въ началѣ 1796 года. „Когда фаворитъ,—писалъ онъ,—на кого наляжетъ, не легко тому держаться; и я теперь въ семъ положеніи“.

Несмотря на всѣ эти жалобы и на сильное раздраженіе Завадовскаго въ послѣднее время царствованія Екатерины, онъ былъ сильно пораженъ кончиною императрицы. Въ его письмѣ къ Александру Романовичу Воронцову отъ 11-го ноября 1796 года сказано: „Плачущій пишу къ тебѣ, милый мой другъ. Въ терзаніяхъ началъ, проводилъ, но уже въ горести ни съ чѣмъ не